

П. Е. Щеголев

"Зеленая лампа"

Щеголев П. Е. Первенцы русской свободы / Вступит. статья и коммент. Ю. Н. Емельянова.-- М.: Современник, 1987.-- (Б-ка "Любителям российской словесности. Из литературного наследия").

OCR Бычков М. Н.

Общество "Зеленой лампы" совершенно не привлекало внимания историков нашей общественности; им интересовались только биографы Пушкина, столкнувшиеся с фактом значительного влияния этого кружка на творчество и склад мировоззрения поэта. Об этом влиянии свидетельствуют неоднократные упоминания поэта о "Зеленой лампе", а главное -- ряд поэтических произведений, связанных между собой с внешней стороны тем обстоятельством, что они имеют в виду членов этого кружка, а с внутренней -- единством тем и настроений. Но вопрос об истинных задачах и о действительной деятельности общества "Зеленой лампы" окончательно не решен. П. И. Бартенев {В "Моск<овских> Вед<омостях>", 1855 г., No 143, а в особенности в примеч<ании> на 128 стр. своей книжки "Пушкин в южной России". Материалы для его биографии, собираемые Петром Бартевым. М., 1862.} на основании устных сплетен пустил в ход версию об оргиастическом направлении кружка "Зеленой лампы"; П. В. Анненков, очень щекотливый и строгий в вопросах нравственности, подхватил версию П. И. Бартева и утвердил ее своим авторитетом. Вот его рассказ о "Зеленой лампе". "Какие разнообразные и затейливые формы принимал тогдашний кутеж, может показать нам общество "Зеленой лампы", основанное Н. В. Все<волжски>м и у него собиравшееся. Разыскания и расспросы об этом кружке обнаружили, что он составлял, со своим прославленным калмыком, не более, как обыкновенное *оргиастическое* общество, которое в числе различных домашних представлений, как изгнание Адама и Евы, гибель Содомы и Гоморры и проч., им устраиваемых в своих заседаниях (см. статью г. Бартева "Пушкин на юге"), занималось еще и представлением из себя, ради шутки, собрания с парламентскими и масонскими формами, но посвященного исключительно обсуждению планов волокитства и закулисных проказ. Когда в 1825 г. произошла проверка направлений, усвоенных различными дозволенными и недозволенными обществами, *невинный*, т. е. оргиастический характер "Зеленой лампы" обнаружился тотчас же и послужил ей оправданием. Дела, разрешавшиеся "Зеленой лампой", были преимущественно дела по Театральной школе" {Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799--1826 гг. СПб., 1874, с. 63--64.}.

С легкой руки Бартева и Анненкова легенда об оргазме "Зеленой лампы" внедрилась в пушкинскую литературу и долгое время повторялась писавшими о Пушкине. Влияние этого общества признавалось в высшей степени отрицательным и вредным. Правда, исследователи, искавшие фактических подтверждений, должны были взвесить тот факт, что и Бартенев, и Анненков, всегда очень точно указывающие свои источники, в этом случае оперлись на темные "расспросы и разыскания" у лиц, нам неизвестных. П. А. Ефремов особенно резко отзывался о рассказах Анненкова и ссылался на протоколы "Зеленой лампы", с которыми он мог в свое время познакомиться.

В своем исследовании об Я. Н. Толстом (1899 г.) Б. Л. Модзалевский также отказался довериться огульной оценке П. В. Анненкова¹. В последнее время П. О. Морозов и А. Н. Веселовский {В своих статьях в первом томе сочинений Пушкина под ред. С. А. Венгерова [СПб., 1907].} пытаются окончательно разорвать с легендой о "Зеленой лампе". Казалось бы, на этот кружок начал устанавливаться в специальной литературе надлежащий взгляд. Тем неожиданнее и тем печальнее было встретить в книге В. Сиповского (Пушкин. Жизнь и творчество. СПб., 1907, с. 110) возвращение к старому взгляду и даже усугубление его.

А вопрос о "Зеленой лампе" особенно важен для биографии поэта. Он даже имеет кардинальное значение. То или иное решение вопроса есть угол зрения, под которым нужно смотреть на творчество Пушкина 1818--1820 гг., на развитие его мировоззрения.

Казалось бы, еще скорее, чем отсутствие каких-либо фактических подтверждений, легенду должно было бы разрушить непосредственное обращение к произведениям Пушкина, связанным с "Зеленой лампой". Они с совершенной достоверностью открывают, что политический характер, по меньшей мере, был далеко не чужд общению членов кружка. Исследователи, поддерживающие точку зрения Бартева и